

⁴¹ См.: Таможенные книги города Великие Луки 1669–1676 гг. / Подгот. А. В. Юрасов. М., 1999; Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII — начала XVIII в.: Сб. документов / Сост. Ю. А. Анкудинов. СПб., 2003.

⁴² Таможенная книга города Вологды 1634–1635 гг. / Сост. Е. Б. Французова. М., 1983. С. 33, 55, 76, 83, 86, 102, 104, 132, 179; и др.

⁴³ Таможенные книги сибирских городов XVII века. Вып. 1. Сургут и Тара. Новосибирск, 1997. С. 19–25, 75–77, 88, 91, 94 и др.; Вып. 3. Верхотурье, Красноярск. Новосибирск, 2000. С. 19, 137–139 и др.; Вып. 4. Тюмень, Пелым. Новосибирск, 2001. С. 27–28 и др.; Вып. 5. Тобольск, Кетск. Новосибирск, 2003. С. 8–9; и др.

Д. В. Лисейцев

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О МОСКОВСКИХ КУПЦАХ КОТОВЫХ

Отечественная биографика допетровской России, к сожалению, не может похвастаться богатством. Ученые могут проследить в подробностях жизненный путь далеко не всех представителей политической и церковной элиты Московского государства. Даже персоны, «избалованные» вниманием историков, порой преподносят неожиданные «сюрпризы», когда источники показывают «государственного мужа» с новой стороны. Например, пошленные книги Печатного приказа дают ценные штрихи к биографии думного дьяка Ивана Грамотина — выясняется, что, помимо прочего, его благосостояние опиралось на поощряемую им деловую активность его людей¹. Сложнее обстоят дела с представителями торгового населения Московского государства: оставленный ими «документальный след» изначально менее отчетлив, а гибель многих источников зачастую и вовсе лишает нас возможности выстроить даже «пунктирную линию» их биографий. Спорадичность сведений о представителях предпринимательского слоя населения России XVII в. иллюстрируется примером откупщика кабаков и таможен Ивана Ефремова сына Юршина, крестьянина принадлежавшего боярину кн. И. Б. Черкасскому села Марьиной слободы. В статье признанного специалиста по истории таможенного дела России С. Н. Кистерева отмечено, что в 1623–1625 гг. Юршин держал на откупе тамгу и кабаки в Осколе и Воронеже, что противоречило царскому указу, запрещавшему подобную деятельность владельческим крестьянам². Документы свидетельствуют, что откупная деятельность Юршина гораздо шире и хронологически, и территориально: откупщиком кабаков и таможен мы видим его по меньшей мере с 1619 по 1638 г.; в сферу его интересов попадали, кроме Оскола и Воронежа, Белгород, Болхов, Боровск, Брянск, Валуйка, Верея, Курск, Ливны, Оскол, Путивль и Торжок³. Это не только дополняет сведения об Иване Юршине, но и показывает, насколько легко игнорировались нормы царских указов, если речь шла об экономических интересах «сильных людей».

Иногда удается найти любопытные факты из биографий представителей более заметных купеческих фамилий. В этой статье речь пойдет о гостях

и торговых людях Гостиной сотни Котовых — семье, входившей в состав предпринимательской элиты Московского царства по меньшей мере с середины XVI в. В начале царствования Михаила Федоровича Котovy, держась сплоченным кланом, не могли пожаловаться на плохое положение дел. Они числились среди наиболее уважаемых торговых людей. Избрание нового царя застало двоих из них, Андрея и Федота, в Нижнем Новгороде⁴. В самую верхушку торгового люда Котovy выбились уже к концу Смутного времени. В 1617 г., когда правительству потребовалась консультация по вопросам внешней торговли, совета спросили, в числе прочих, у Родиона Котова «з братьею». Мнение Котова имело особую ценность: прежде он бывал таможенным головой в Архангельске — городе, служившем главными воротами Московского царства в Европу⁵. В те годы Котовым поручали ответственные дела, приносившие государству серьезную прибыль. Федот Котов в 1618/19 г. служил таможенным и кабацким головой в Архангельске, где за год тогда собирали в казну до 17 тыс. руб. Родион Котов, исполняя в 1619/20 г. обязанности таможенного головы в Нижнем Новгороде, обогатил бюджет почти на 19 тыс. руб.⁶ Андрей Котов на рубеже 1610–1620-х гг. участвовал в крупных операциях по торговле солью совместно с гостем Михаилом Смываловым⁷. В 1620/21 г. он был кабацким головой в Костроме, собрав за год 4741 руб. 34 коп. кабацкой прибыли⁸.

В начале 1620-х гг. в документах начинает мелькать имя Давыда Котова, сыгравшего роковую роль в судьбе купеческой семьи. Направлением его деловой активности стал Ярославль, где в 1620/21 г. он, видимо, был кабацким головой. Кабаки Ярославля за год тогда давали казне 6–7 тыс. руб.⁹ Судя по всему, отношения с жителями Ярославля у Котова складывались непросто. Дело дошло до судебного конфликта с посадским населением. 26 апреля 1621 г. ярославский сотский Иван Кондратьев получил в Печатном приказе грамоту «на Давыда Котова о сыску»¹⁰. Надо полагать, конфликт связан с виноторговлей. В 1623/24 г. при ярославском кабаке все еще продолжали хранить принятые у Давыда Котова в 1621 г. 641 ведро вина на сумму 448 руб. 70 коп. (по 70 коп. за ведро)¹¹. Отмечу, что цена оставшегося после Котова вина довольно высока. Нереализованный кабацким головой к моменту истечения его полномочий алкоголь передавался его преемникам, а те, продав вино, расплачивались с предшественником по себестоимости («проварочной цене»). Эта «проварочная цена» была значительно ниже отпускной (в Вологде, например, в 1626/27 г. она составляла от 26 до 33 коп. за ведро при отпускной цене 80 коп.). Надо полагать, Давыд Котов зависил стоимость нераспроданного вина, а его преемники в ярославских кабаках отказались признать его требования справедливыми (почему и через три года оставшееся после Котова вино не распродали, хотя в городе масштаба Ярославля его могли продать в течение месяца).

На рубеже 1610–1620-х гг. правительство Михаила Федоровича активно использовало деловые качества Котовых в казенных интересах, доверяя им сбор таможенных пошлин и кабацкой прибыли в богатейших городах. Разумеется, Котovy торговали и в самой столице. Интересные сведения об этом сохранились в пошлинной книге Печатного приказа 1620/21 г. Осенью 1620 г.

царь и патриарх распорядились продавать торговым людям «каменные лавки, а иным полулавки, по чему им теми лавками и полулавками владети, и женам их и детям, и внучатом, и в род их и племяни». Жалованные грамоты на эти лавки выдавались в приказе Большого прихода, а пошлины за оформление грамот взимали в Печатном приказе. За оформление жалованной грамоты на целую лавку брали «вполы» пошлины за гостиную жалованную грамоту — 1 руб. 25 коп. Выдача грамот на лавки началась 13 ноября 1620 г., а последнюю из известных нам грамот оформили 14 января 1622 г. За это время торговым людям Москвы выдали 44 жалованные грамоты; три из них получены Котовыми. 27 марта 1621 г. грамоту на каменную лавку получил Федот Котов. 27 августа его брат Родион оформил права на поллавки (в пошлинной книге Печатного приказа сохранилась локализация этой коммерческой недвижимости — «идучи с старой Кафтанной ряд на левой стороне»). Любопытна запись от 16 июня 1621 г., указывающая на то, что в торговле принимали участие и женщины этого семейства: жалованную грамоту выдали «девке Овдотьице Степановой дочери Котова»¹². Надо полагать, что речь идет о дочери гостя Степана Ивановича Котова (его подпись удостоверяла «утвержденную грамоту» царя Бориса Годунова в 1599 г.; третью века ранее он участвовал в работе Земского собора 1566 г.)¹³.

Середина 1620-х гг. ознаменовалась для Котовых активным вовлечением в систему государственной службы. Андрей Котов в 1625 г. стал дьяком приказа Большой казны. В его ведении, в числе прочего, находились гости, члены Гостиной и Суконной сотен¹⁴. Менее известен факт привлечения к государственной службе его брата Родиона. Между тем в расходной книге Казенного приказа имеется запись за 25 января 1625 г.: «по памяти за приписью гостя Родиона Котова отпущено в Таможенной приказ три образа окладных, ... а взяты те образы для моления»¹⁵. Анализ записи позволяет сделать вывод о том, что Родион Котов если не возглавлял «Таможенный приказ», то входил в его административную группу, поскольку удостоверение приказных памятей приписью — прерогатива приказных дьяков. Своей приписью Котов заверил отправленный из «Таможенного приказа» в Казенный приказ запрос о присылке икон.

Необходимо сказать несколько слов об этом «Таможенном приказе». Время от времени он упоминается в источниках XVII в., однако до сих пор непонятно, что скрывается за этим названием. Известно, что единого центра сбора таможенных пошлины в Московском государстве не было. Из ряда городов таможенные сборы шли в приказ Большого прихода, но из многих городов и уездов они поступали в четвертные приказы (Устюжскую, Новгородскую, Владимирскую, Костромскую или Галицкую четь). Между тем мы периодически сталкиваемся с упоминаниями «Таможенного приказа». Одно из ранних упоминаний о нем обнаруживается в «Писаных законах России» — английском источнике, описывающем устройство Московского государства в начале царствования Бориса Годунова: «Казенной двор или сокровищница... Эти люди [руководители ведомства. — Д. Л.] также являются начальниками Таможенного двора или таможи, они забирают в государеву сокровищницу ткани

на форму для гвардии и солдат... Они опечатавают весы и меры, назначают таможенников для посылки в большие города, получают от торговцев списки товаров и забирают главные для государя, давая за обменные товары деньги, берут пошлины после оценки товаров»¹⁶. Имеются упоминания о Таможенном приказе, относящиеся к концу царствования Бориса Годунова; он упомянут и в «Записке о царском дворе», составленной при Лжедмитрии I. В числе столичных учреждений там назван «приказ, где тамгу собирают с товаров». Очевидно, что под этим названием не скрывается ни приказ Большого прихода и ни один из четвертных приказов — все они отдельно упомянуты в источнике¹⁷. От периода польско-литовской оккупации Москвы сохранилось упоминание о «Таможенной избе», куда получил назначение Бажен Иванович Замочников¹⁸, представитель торговой среды. Как тяглец Арбатской сотни он поставил подпись на «Утвержденной грамоте» Бориса Годунова, а его отец, Иван Замощников, в 1601/02 г. был членом Гостиной сотни¹⁹. Разграбленный в «московскую розруху»²⁰, Таможенный приказ функционировал уже в самом начале царствования Михаила Федоровича. Особенно любопытна запись в приходной книге Казенного приказа от 11 ноября 1613 г.: «из Таможенного приказа у таможенной головы у гостя у Ивана Юдина в государеву казну на Казенной двор... взято 39 бобров карих»²¹. Из нее следует, что Таможенный приказ возглавлял представитель торговой верхушки, именовавшийся «таможенной головой». Учитывая, что Таможенный приказ зовется в документах также Большой таможенной, мы можем сделать вывод — под названием «Таможенный приказ» скрывается московская таможенная изба, во главе которой ставили кого-то из гостей, а в штат включали порою дьяка и подьячих, то есть московская таможенная изба имела некоторые признаки учреждения приказного типа.

Итак, в 1620-е гг. Котовы вступили влиятельным и богатым семейством, востребованным на казенной службе. Однако все семейное благополучие рухнуло в одночасье. Виновником катастрофы купеческого рода Котовых стал один из них — Давыд. В марте 1628 г. он бежал в Речь Посполитую, являющуюся в тот момент наиболее вероятным военным противником Московского государства. К сожалению, мы не знаем, что именно стало причиной его ареста (бежал он из-под стражи из приказа Костромской четверти). Не исключено, что задержали его из-за злоупотреблений, допущенных во время пребывания на посту кабацкого головы в Ярославле (этот город находился в ведении Костромской четверти). В любом случае, обвинение оказалось достаточно серьезным, если Котов, спасаясь от наказания, решил на такой из ряда вон выходящий поступок, как бегство за рубеж. Измена Давыда Котова стала причиной опалы, обрушившейся на всех представителей его семейства.

Обвиненные в пособничестве побегу Давыда Котова, его родственники отправились в ссылку в Сибирь. Ссылка сопровождалась конфискацией имущества. Сведения об этом сохранились в приходе-расходной книге Разрядного приказа за 1628/29 г. Для реализации изъятого у Котовых имущества создали особую комиссию, возглавленную боярином князем Борисом Михайловичем Лыковым и дьяком Никифором Спиридоновым. Князь Лыков тогда возглавлял Ямской приказ; дьяк Спиридонов в то время известен как глава Костромской

четверти²². Часть денег от продажи имущества Котовых передали в Разрядный приказ, а оттуда они поступили на уплату жалования служилым людям южных порубежных городов. Первая запись о поступлении таких денег («из опальных ис Котовых животов») в приходе-расходной книге Разрядного приказа датирована 20 января 1629 г. Эту очень значительную сумму — 1500 руб. — направили на уплату жалования белгородским, оскольским и валуйским станичникам. Средства, полученные при конфискации имущества опального купеческого семейства, этим не исчерпывались. 3 мая 1629 г. князь Лыков и дьяк Спиридонов передали в Разрядный приказ еще 650 руб. «из опальных денег ис Котовых животов». На сей раз их потратили на жалование оскольским и валуйским служилым людям. Через месяц, 7 июня 1629 г., еще 350 руб. Разрядный приказ получил на уплату жалования стародубским детям боярским, устроенным на службу в Карачеве (сам Стародуб по условиям Деулинского перемирия 1618 г. отошел к Речи Посполитой)²³. Всего, таким образом, только в распоряжение Разрядного приказа из имущества опальных Котовых за полгода поступило 2500 руб. Для сравнения — эта сумма примерно соответствовала годовой прибыли, получаемой с кабаков такого крупного города, как Владимир; ее хватило бы для обеспечения годового содержания (с уплатой денежного и хлебного жалования) трех стрелецких сотен.

О побеге Давыда Котова и ссылке его братьев и племянника в Сибирь подробно рассказано в монографии Н. Б. Голиковой²⁴. А вот дальнейшая судьба изменника, бежавшего в «Литву», до сих пор оставалась неизвестной. Сведения о ней содержатся в найденной мной челобитной серпуховского сына боярского Парфена Ларионова сына Сойманова, поданной в мае 1631 г. Биография челобитчика стоит того, чтобы кратко остановиться на ней. В 1617 г. Парфена Сойманова послали под «литовский» город Любич за языками со станицей атамана Якова Шиша. Последний, однако, перешел на службу к королевичу Владиславу, а Сойманова, связав, отдал гетману Ходкевичу. Так, согласно его челобитной, серпуховитин оказался в плену. Сам он в 1631 г. писал о 17-летнем пребывании в плену, однако приведенные им обстоятельства его пленения указывают на 1617 г. Следовательно, в плену он провел 14 лет. Три «лишних» года плена понадобились челобитчику, кажется, для того, чтобы не совсем искренне изложенные им обстоятельства жизни в Речи Посполитой выглядели в глазах московского правительства благоприятнее для него. По его собственным словам, первые три года Сойманов находился в тюрьме города Быхова и лишь затем вышел на свободу.

Трехлетнее пребывание Сойманова в тюрьме вызывает сомнения. Сам он в челобитной, поданной после возвращения на родину в 1631 г., сообщил, что в Невельском уезде польские власти дали ему поместье, которым он владел 13 лет, то есть с 1617–1618 гг., практически с момента пленения. Челобитчик указывает, что ему досталось бывшее поместье Ивана Лаврова, то есть надо полагать, Ивана Васильева сына Лаврова, принадлежавшего к верхушке невелиского служилого города: в десяте 1618 г. он записан дворовым сыном боярским с поместным окладом 650 четей и денежным из четверти — 23 руб.²⁵ Надо полагать, Иван Лавров владел хорошим поместьем, и его пожалование Парфе-

ну Сойманову польско-литовскими властями свидетельствует о том, что пленник из Серпухова пользовался у них доверием.

Гетман Ходкевич, отправляясь в 1621 г. в свой славный поход к Хотину против османских войск, сделал вчерашнего пленного поручиком в полку пана Соколовского, а по смерти последнего — ротмистром. Вслед за тем Сойманов в прежнем чине участвовал в сражениях польско-шведской войны 1621–1626 гг. В Речи Посполитой он женился и успел обзавестись сыном. Не ранее 1628 г. Сойманов установил связь с воеводами русского пограничного города Великих Лук²⁶, периодически снабжая их сведениями разведывательного характера. К побегу на родину Сойманова подвигла нависшая над ним угроза разоблачения. Прося о пожаловании «за выход» и перечисляя собственные заслуги перед правительством Михаила Федоровича, он посчитал нужным напомнить, что именно от него в Москве узнали о печальной участи «государева изменника Давыдка Котова». Перебежчик получил от властей Речи Посполитой поместье, но с крестьянами поладить не сумел: «убили ево ж поместные мужики, и вкинули в воду»²⁷.

Так трагически закончилась жизнь купца Давыда Котова, чья измена в одночасье перечеркнула усилия и успехи по меньшей мере двух поколений его торговой семьи, на протяжении семи десятилетий удерживавшей достойное место в рядах предпринимательской элиты Московского царства. В завершение хочу выразить уверенность в том, что эвристический потенциал наших архивохранилищ, несмотря на гибель значительного массива документов XVII в., отнюдь не исчерпан. А это значит, что можно надеяться на выявление новых сведений о представителях российского торгового люда и рассчитывать на существенные уточнения их биографий, многие из которых сейчас даже «пунктирной линии» могут быть уподоблены лишь весьма условно.

Примечания

¹ Лисейцев Д. В. Думный дьяк Иван Грамотин: семья, хозяйство, внутренний мир // Средневековая личность в письменных и археологических источниках: Материалы междунар. науч. конф., Москва, 13–14 окт. 2016 г. М., 2016. С. 131–136.

² Кистерев С. Н. К истории законодательства об откупах в первой половине XVII века // ОФР. Вып. 19. М.; СПб., 2016. С. 289–290.

³ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Владимир. Кн. 1–6. Л. 12 об.–13; Ф. 210. Оп. 6–ж. Кн. 77. Л. 6; Кн. 80. Л. 10–10 об., 105; Кн. 282. Л. 55, 66, 102, 125; Кн. 292. Л. 149–151; Ф. 396. Оп. 1. Д. 40479. Л. 82, 85, 128–131, 176–178, 217–219, 231–233, 272.

⁴ Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.) / Сост. С. Б. Веселовский. М., 1994. С. 20.

⁵ Посольская книга по связям России с Англией, 1614–1617 гг. / Сост. Д. В. Лисейцев. М., 2006. С. 150–155.

⁶ Приходо-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. / Сост. С. Б. Веселовский. М., 1983. С. 43, 62, 66, 255.

⁷ Там же. С. 41, 44, 57; РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2. 1619 г. Л. 64; Ф. 233. Оп. 1. Кн. 4. Л. 303.

⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 40020. Л. 9.

⁹ Там же. Д. 40020. Л. 3, 5; Д. 39987. Л. 8, 85.

- ¹⁰ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 4. Л. 363.
- ¹¹ Там же. Ф. 396. Оп. 1. Д. 39987. Л. 8.
- ¹² Там же. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 4. Л. 328 об., 430, 581.
- ¹³ ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. № 7. С. 45, 53; Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1. М., 1813. № 192. С. 554.
- ¹⁴ *Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М.* Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М.; СПб., 2015. С. 51.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 280. Л. 181, 182.
- ¹⁶ «Писанные законы России»: Английское описание Московского государства конца XVI века // Исторический архив. 1995. № 3. С. 198.
- ¹⁷ ААЭ. Т. 2. СПб., 1841. № 355. С. 422–426; *Лисейцев Д. В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. С. 423–426.
- ¹⁸ АЗР. Т. 4. СПб., 1851. № DCCLI. С. 403.
- ¹⁹ ААЭ. Т. 2. № 7. С. 54; *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998. С. 238.
- ²⁰ РИБ. Т. 2. СПб., 1875. Стб. 231–232.
- ²¹ Там же. Т. 9. СПб., 1884. С. 25.
- ²² *Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М.* Приказы Московского государства XVI–XVII вв. С. 232, 240.
- ²³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-ж. Кн. 86. Л. 229, 229 об.
- ²⁴ *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации России... С. 234–235.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Д. 2. Л. 164.
- ²⁶ Первым из великолуцких воевод, кому Сойманов стал передавать информацию о положении дел в Речи Посполитой, в его челобитной назван кн. Федор Андреевич Елецкий, заступивший на пост в Великих Луках в 1628 г. (*Барсуков А. П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по печатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 129).
- ²⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 59. Л. 445–450.

М. С. Черкасова

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ГОСТЕ М. Е. ЛАЗАРЕВЕ

Начиная и заканчивая свою фундаментальную монографию о гостях и торговых людях Гостиной сотни в России Н. Б. Голикова (1914–2008) писала о необходимости дальнейших «детальнейших разработок в различных архивохранилищах не только Москвы и Петербурга, но и других старых городов России»¹. Документальное расширение данной проблематики, действительно, возможно при обращении к архивным фондам одного из таких городов — Вологды. Сравнительно недавно интересный очерк биографии и торговой деятельности вологжанина, Гостиной сотни Константина Парфеньева опубликовал С. Н. Кистерев². Предложим наши скромные наблюдения о другом вологжанине — госте Михаиле Ерофееве сыне Лазарева (?–1667).

Трудно со всей точностью реконструировать его родоисхождение. В синодиках некоторых вологодских монастырей фигурирует Ерофей (он же,